

Минералов в новом художественном контексте торжествующим пением снегиря на свободе любуется. Снегирь – зимняя птица. Однако в стихотворении Минералова с ним ассоциируются также мотивы весны и лета, т.е. обновления и преображения природы, а с ней и человека. Отмеченная метафора «яблоко румяно», ассоциирующаяся с летом, возможно, с Преображением Господним, когда принято освящать яблоки в храме, соотносится с любопытной находкой финальной строки – «Мороз гудет» (ударное *о* четко мотивируется финальным поет). Несмотря на «зимнюю» тематику, образ, через аллюзию с некрасовским «Зеленым шумом» («Идет-гудет зеленый шум») вызывает ассоциации с весной, возможно, учитывая значимость религиозных мотив в произведении и имплицитно предполагаемую *красную* грудку снегиря, с Пасхой, Светлым Христовым Воскресением.

А.А.Кирпичникова

Казань, Казанский (Приволжский) Федеральный университет

Проблема предклассицизма в русской литературе: концепции Г.Н.Моисеевой, А.А.Смирнова, В.И.Федорова

Проблема предклассицизма по праву может считаться одной из самых сложных и интересных проблем отечественного литературоведения. Достаточно часто на рубеже XVII–XVIII вв. черты угасающего барокко переплетаются с особенностями развивающегося классицизма, и многие исследователи говорят об особой художественно-эстетической системе предклассицизма.

Одним из первых термин «предклассицизм» использовал известный литературовед П.Н.Берков в 1958 г. на IV Международном съезде славистов: «То, в чем предлагают видеть «русское барокко», правильнее понимать как переход ... к классицизму XVIII века, вместо неопределенного по своему содержанию термина «барокко» проще назвать это явление «предклассицизмом» [Сборник ответов 1958: 84].

Среди исследователей второй половины XX в., развивавших теорию предклассицизма, – А.А.Смирнов, Г.Н.Моисеева, В.И.Федоров, О.М.Буранок.

В первую очередь необходимо понять, как же относились к барокко советские ученые-приверженцы теории предклассицизма. Здесь следует выделить две точки зрения: одни ученые утверждали идею о сосу-

ществовании на рубеже XVII–XVIII вв. двух направлений – барокко и классицизма, а другие отмечали, что барокко как направление в России не получило распространения, и, характеризуя литературную ситуацию данного периода, следует говорить о зарождающемся классицизме (предклассицизме) и барочных тенденциях.

О взаимодействии барокко и классицизма писала Г.Н.Моисеева. «Если в конце XVII в. барокко имело преобладающее влияние при наличии некоторых черт классицизма в творчестве Симеона Полоцкого, Кариона Истомина и др., с 30-х гг. XVIII в. классицизм стал ведущим направлением, определившим стиль эпохи», – отмечает она в статье «М.В.Ломоносов и русская литература», подчеркивая, что эти направления сосуществовали на русской почве с конца XVII и до 30–40-х гг. XVIII в. [Моисеева 1986, 4: 30].

Представителем противоположной точки зрения является В.И.Федоров, отмечавший в книге «Литературные направления в русской литературе XVIII века»: «...Само искусство барокко в какой-то мере брало на себя функции Возрождения в тех странах, где по разным причинам Ренессанс не сложился в целостную историко-культурную систему.... Лишенное социальных корней, барокко не могло сложиться в оформленное, а тем более господствующее литературное направление» [Федоров 1979: 6-7]. Однако Валентин Иванович не отрицает, что произведения барочного характера появлялись и в то время, когда начинал формироваться классицизм в творчестве Кантемира и Тредиаковского.

Учитывая вышесказанное, а также тот факт, что наиболее типичным предклассицистом В.И.Федоров называет Ф.Прокоповича, активная творческая деятельность которого приходится на 1700–1730-е гг., можно сделать вывод, что, согласно концепции ученого, термин предклассицизм применим к русской литературе именно 1700–1730-х гг.

А.А.Смирнов же в своих работах не рассматривает вопрос о барокко и трактует период 1700–1730-х гг., то есть эпоху предклассицизма, исключительно как время зарождения предпосылок теории классицизма: «Именно на рубеже XVII–XVIII вв. в «школьной» поэтике были намечены некоторые основные проблемы будущей литературной теории русского классицизма», – пишет он в книге «Литературная теория русского классицизма» и тут же отмечает, что многие положения теории классицизма намечены в трактате Ф.Прокоповича «De arte poetica» («Поэтика») [Смирнов 1981: 10].

Обращаясь к теоретическому и художественному наследию Ф.Прокоповича, развивает теорию предклассицизма и О.М.Буряков.

Многие работы Олега Михайловича, в частности – «Русская литература XVIII века: Петровская эпоха: Феофан Прокопович», посвящены проблеме предклассицизма. Рассматривается данный вопрос и в его докторской диссертации «Творчество Феофана Прокоповича и российско-зарубежные литературные связи первой половины XVIII века» (2013).

Важно, что Ф.Прокоповича многие советские исследователи характеризуют как первого теоретика классицизма или как наиболее типичного представителя предклассицизма. Так, Г.Н.Моисеева, рассматривая трактат Ф.Прокоповича «Поэтика», отмечает, что к теории классицизма близка представленная здесь характеристика жанров, родов литературы и их стилистического воплощения; не менее значим с точки зрения классицизма и разработанный в «Поэтике» вопрос о вымысле как способе обобщения действительности. Кроме того, Галина Николаевна акцентирует внимание на двух особенностях трактата: во-первых, Ф.Прокопович поставил вопрос о роли поэзии в общественной жизни, а во-вторых, говорил о поэтическом вымысле как о признаке, который отличает художественное произведение от исторического сочинения.

В качестве наиболее значимой для классицизма рассматривает теорию Ф.Прокоповича о подражании и вымысле и А.А.Смирнов. «В проблеме подражания природе Ф.Прокопович по существу очень близко подходит к классицистическому пониманию поэзии, ее видового своеобразия», – подчеркивает исследователь в работе «Литературная теория русского классицизма» [Смирнов 1981: 11]. Кроме того, он выделяет следующие положения поэтики Прокоповича, предвещающие теорию классицизма: дидактическая направленность творчества, разумность в наслаждении поэзией, понимание *desogum'a* как «пристойного» изображения характера и поведения того или иного персонажа согласно его положению в общественной иерархии, требование правил и образцов, призыв изображать «общие добродетели и пороки» персонажей.

В.И.Федоров делает акцент на том, что Ф.Прокопович требует от поэзии серьезной проблематики, высокой нравственности, причем поучать поэзия должна не только рядовых граждан, но и высоких государственных деятелей. Рассматривая теорию о вымысле и подражании, ученый в книге «Литературные направления в русской литературе XVIII века» отмечает, что, обращаясь к этим эстетическим категориям, Феофан Прокопович «вплотную подходит к пониманию сущности художественного образа как выражения обобщенного, типического через конкретное, индивидуальное» [Федоров 1979: 11]

Характерно, что все заявленные исследователи ставят Ф.Прокоповича

в один ряд с известными российскими классицистами. Для Галины Николаевны важно, что на эстетических идеях Феофана воспитывалось большинство деятелей русской культуры первой половины XVIII в., в частности, лидер русского классицизма М.В.Ломоносов не просто был знаком с трактатом Прокоповича, но и в «Кратком руководстве к красноречию» доработал теорию о вымыслах, разделив их на чистые и смешанные.

А.А.Смирнов в статье «Проблемы подражания и вымысла в поэтике русского классицизма» (1967) также рассматривает теорию подражания и вымысла, начиная свою работу с представления идей Аристотеля и Платона, а также основных положений трактата Ф.Прокоповича «De arte poetica». «...Если Ф.Прокопович, сближая вымысел и подражание, характеризовал этими понятиями своеобразие процесса отражения действительности в произведениях искусства, то Ломоносов, продолжая его традицию, считает вымысел специфическим фактором поэтического творчества», – соотносит концепции Ф.Прокоповича и М.В.Ломоносова А.А.Смирнов [Смирнов 1967, 6: 25].

Валентин Иванович в «Истории русской литературы...» обращает внимание, что занимавший важное место в теории М.В.Ломоносова вопрос о разработке литературного языка также был поставлен Ф.Прокоповичем [Федоров 2003].

Исследователи сравнивали идеи Ф.Прокоповича с идеями не только российских теоретиков классицизма, но и европейских гуманистов. Так, А.А.Смирнов в статье «К проблеме соотношения русского предклассицизма и гуманистической теории поэзии. Ф.Прокопович и Ю.Ц.Скалигер» рассматривает трактат «De arte poetica» и книгу виднейшего представителя поздневозрожденческой теории поэзии Скалигера «Poetices libri septem». Как отмечает Александр Андреевич, и Прокопович, и Скалигер обращаются к теории Аристотеля, но Ф.Прокопович привлекает ее для «разбора и характеристики особенностей процесса творческого воспроизведения действительности, то есть подражания, которое он тесно связывает с понятием вымысла как средства этого воспроизведения» [Смирнов 1971: 73], а Скалигер стремится подчеркнуть связь художественного творчества с моралистической доктриной, с назидательными и поучающими наставлениями, в которых усматривает главную цель художника.

Таким образом, обращаясь к «Поэтике» и «Риторике» Феофана Прокоповича, Г.Н.Моисеева, А.А.Смирнов, В.И.Федоров видят в них предпосылки теории классицизма, в частности характерны для классицистов требование серьезной проблематики и высокой нравственности поэзии, теория вымысла и подражания и другие. Однако при рассмотрении творческого наследия Ф.Прокоповича ученые приходят к разным выводам.

Г.Н.Моисеева в книге «Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века» показывает, как идея Феофана о поэтическом вымысле нашла отражение в его литературном творчестве. Анализируя трагедокомедию Ф.Прокоповича «Владимир», Галина Николаевна убедительно доказывает, что в основу данного произведения легли события, описанные в «Повести временных лет», что Феофан был осведомлен в исторических источниках. Но при этом внимание акцентируется на так называемых «авторских домыслах», один из которых – разговор Владимира со своими сыновьями Борисом и Глебом о принятии христианства: князь просто не мог советоваться со своими сыновьями, ведь Борис на тот момент (988 год) был еще слишком мал, а Глеб и вовсе еще не родился.

Более того, Галина Николаевна говорит о трагедии и героической поэме, а они стали активно развиваться именно благодаря творчеству Ф.Прокоповича, как о самых классицистических жанрах и связывает эти жанра с традициями древнерусской литературы. «Из всех жанров драматургии, получивших развитие в России XVIII столетия после утверждения классицизма, наибольшую связь с древнерусскими памятниками имела место в трагедии. Предпосылки к этому можно видеть в «трагедокомедии» Феофана Прокоповича», – отмечает она в книге «Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века» и в качестве примера приводит написанные на сюжеты древнерусских памятников произведения М.М.Хераскова, Я.Б.Княжнина, А.П.Сумарокова [Моисеева 1980: 126]. Иными словами, согласно концепции Г.Н.Моисеевой, первыми произведениями, написанными с учетом теории классицизма, были произведения Ф.Прокоповича, в частности трагедокомедия «Владимир» и «Епиникион».

Такой точки зрения придерживаются далеко не все. В.И.Федоров, например, в работе «Литературные направления в русской литературе XVIII века» подчеркивает, что трагедокомедия, а именно в этом жанре написано произведение Ф.Прокоповича «Владимир», является барочным жанровым образованием, поскольку включает элемент чудесного, а «вещи смешные и забавные перемешиваются с серьезными и печальными и лица низкие – с знаменитыми» [Федоров 1979: 19]. Но в то же время Валентин Иванович отмечает, что в данной трагедокомедии соблюдается единство места и времени, что является типичным для произведений, написанных в духе классицизма.

Мнения же Г.Н.Моисеевой и В.И.Федорова относительно произведения «Епиникион» совпадают: исследователи прослеживают его связь

с традициями русской литературы XI–XVII вв. и говорят о нем как об одно из первых произведений, написанных в духе героической поэмы. Валентин Иванович в «Истории русской литературы: XVIII век» подчеркивает, как близко описание боя в «Епиникионе» поэтике древнерусской воинской повести, и тут же добавляет: «Если в торжественно-панегирических виршах складывались приемы, образы будущей оды классицизма, то «Епиникион» можно посчитать прообразом будущей поэмы» [Федоров 2003: 33].

«В создании нового жанра – героической поэмы на историческую тему – Феофан Прокопович исходил из опыта древнерусской литературы...», – пишет Г.Н.Моисеева в книге «Ломоносов и древнерусская литература» [Моисеева 1971: 191]. Важно, что Галина Николаевна не просто констатирует соединение черт барокко и классицизма в творчестве отдельных писателей, но и стремится объяснить, роль классицизма и барокко в историко-литературном процессе в целом. Классицизм, например, трактуется ей как преемник древнерусской литературы. Патриотический пафос, высокие государственные идеи, прославление государственных деятелей – вот черты, которые, по мнению Галины Николаевны, роднят литературные памятники эпохи Древней Руси и художественные произведения эпохи классицизма. Как уже говорилось ранее, в свете традиций древнерусской литературы рассматриваются и классицистические жанры – трагедия и героическая поэма.

Элементы барокко, на ее взгляд, ничуть не мешали развитию русского классицизма и даже расширили возможности художественного отражения действительности. «Большая эстетическая свобода и эмоциональная интенсивность барокко придали русскому классицизму черты, которые способствовали его «жизнеспособности»», – отмечает Галина Николаевна в статье «Ломоносов и русская литература» наиболее значимые барочные черты и их роль в историко-литературном процессе [Моисеева 1986, 4: 30].

Подводя итог, можно охарактеризовать предклассицизм следующим образом. Во-первых, эта художественно-эстетическая система представляла собой сочетание черт классицизма и барокко. Одной из первых об этом заговорила Г.Н.Моисеева, однако А.А.Смирнов трактует предклассицизм исключительно как эпоху зарождения предпосылок теории классицизма. Во-вторых, предклассицизм господствовал в России с конца XVII в. до 30–40-х гг. XVIII в. С этим постулатом соглашаются все исследователи. В-третьих, в эпоху предклассицизма появляются такие жанры как трагедия (ее предпосылки можно видеть в трагедоко-

медии Ф.Прокоповича «Владимир») и героическая поэма, ставшие самыми типичными жанрами в эпоху классицизма. Эту теорию развивает Г.Н.Моисеева, однако, В.И.Федоров не до конца соглашается с такой трактовкой, называя «трагедокомедию» барочным жанровым образованием. В-четвертых, предклассицизм – это своеобразный «мост» между литературой Древней Руси и новой русской литературой. Еще в начале 1970-х гг. эту идею развивала Г.Н.Моисеева, а позднее такой же точки зрения придерживался В.И.Федоров. И наконец, именно в эпоху предклассицизма появляются предпосылки теории классицизма, в частности Ф.Прокопович развивал теорию подражания и вымысла, писал о гражданской значимости поэзии.

Литература

1. *Моисеева Г.Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. – Л., 1980.
2. *Моисеева Г.Н.* Ломоносов и древнерусская литература. – Л., 1971.
3. *Моисеева Г.Н.* М.В.Ломоносов и русская литература // Русская литература. – 1986. – № 4. – С. 25–34.
4. Сборник ответов на вопросы по литературоведению [Ред.коллегия: Н.К.Гудзий и др.] – М., 1958.
5. *Смирнов А.А.* К проблеме соотношения русского предклассицизма и гуманистической теории поэзии: Ф.Прокопович и Ю.Ц.Скалигер // Проблемы теории и истории литературы: Сб.статей, посвященный памяти профессора А.Н.Соколова. – М., 1971. – С. 67–73.
6. *Смирнов А.А.* Литературная теория русского классицизма. – М., 1981.
7. *Смирнов А.А.* Проблемы подражания и вымысла в поэтике русского классицизма // Филологические науки. – 1967. – № 6. – С. 16–28.
8. *Федоров В.И.* Литературные направления в русской литературе XVIII века. – М., 1979.
9. *Федоров В.И.* История русской литературы: XVIII век. – М., 2003.

А.В.Софьина

Казань, Казанский (Приволжский) Федеральный университет

Традиции мемуарно-автобиографической прозы XVIII века в мемуарах М.В.Волошиной-Сабашниковой «Зеленая змея»

В России мемуарно-автобиографическая литература начинает складываться с XVIII века, и уже к середине столетия в культуре утверждаются два основных пути самоопределения личности: один из них ориен-